

М.А. Беляев,
ФГБОУ ВПО Воронежский государственный университет,
преподаватель кафедры онтологии и теории познания

**СТАТУС МЫСЛЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ДИСКУССИЯХ О ПРИРОДЕ СОЗНАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АРГУМЕНТА ОБ ИНВЕРСИИ СПЕКТРА)**

Дискуссии о природе сознания опираются на одну из нескольких онтологических гипотез (дуализм, физикализм, функционализм и пр.). Эти гипотезы находятся внутри ситуации выбора, характерной для рационального дискурса, когда предпочтительной должна оказаться концепция, соответствующая некоторому основанию предпочтения. При этом выбор теории можно осуществить в том случае, если языки описания исследуемого объекта хорошо различимы. Тогда задача познающего субъекта состоит в повышении вероятности доводов в пользу одной из представленных гипотез. В качестве аргументов аналитическая философия часто использует мысленный эксперимент. Защищаемый мной тезис состоит в том, что статус мысленного эксперимента как аргумента является настолько сомнительным, что не позволяет сделать выбор в пользу той или иной онтологии сознания.

В целях конкретизации я буду рассматривать частный пример: случай аргументации за и против функционализма посредством доводов об инверсии спектра (далее – ИС)¹. Излагая ИС как аргумент против функционалистской парадигмы, Д. Иванов рассуждает следующим образом. Наиважнейшее средство идентификации сознания – наш собственный опыт, который носит феноменальный характер. Состояния сознания качественно отличаются друг от друга, у каждого состояния есть характерные свойства, которые и принято называть квалиа. Если квалиа ни с чем, кроме друг друга не соотносятся причинно-следственным образом, поскольку не зависят от отношений тела и мира, от внутренней организации тела и пр., тогда должен быть возможен сценарий инвертированного спектра. Это мысленный эксперимент, в котором нам предлагают представить ситуацию, когда два существа, тождественных и физически, и функционально, оказываются наделенными разными феноменальными качествами (например, они ассоциируют разные цвета с понятием «синий»). Поскольку такие положения дел возможны, велика вероятность, что они действительно произойдут – с кем-то и когда-то. Посему мысленный эксперимент в данном случае вполне оправдан.

Схема рассуждений здесь такова:

---

¹ Будем опираться на работу *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания / Д.В. Иванов. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 152 – 183.

- (1) если ИС мыслим, то он возможен;
- (2) если ИС возможен, то функционализм ложен;
- (3) ИС мыслим, следовательно, функционализм ложен.

Но единственным критерием правильного употребления понятия «синий» будет свидетельство того субъекта, который переживает соответствующий феноменальный опыт. Никто другой не может удостовериться, правильно ли фиксируются данными терминами эти свойства. Однако, как отмечал Витгенштейн, критикуя идею приватного языка (и эти аргументы приводит Иванов), в этом случае вообще не может быть каких-либо критериев правильности употребления данных ментальных терминов, поскольку субъект называет правильным лишь то, что ему самому кажется правильным. Иными словами, представление о правильности употребления понятий настолько субъективно, что вовсе исключается из контекстов, в которых могут быть обсуждаемы феномены психики. Так показана концептуальная невозможность ИС (эмпирическую невозможность показать еще проще).

Однако стоит задуматься над эпистемологической значимостью мысленного эксперимента, который концептуально невозможен. Я считаю, что концептуальная невозможность аргумента свидетельствует о его принципиальной негодности.

Рассмотрим дилемму:

- ИС возможна, следовательно, функционализм ложен;
- ИС невозможна.

Первая часть дилеммы имеет доказательное значение только в том случае, если правомерен переход от мыслимого к возможному. Но и в этом случае эффективность довода близка к нулю, поскольку тождество функциональных состояний двух субъектов остается предполагаемым, но не доказанным, т.к. мы не можем знать всего множества функциональных состояний человеческой психики. Если же ИС невозможна, это никак не усиливает позиций функционализма и не устраняет неопределенность в отношении позиции Витгенштейна (т.е. мы так и не узнаем, тождественны ли приватный и социальный языки, или же первого просто не существует).

Главная проблема любого мысленного эксперимента состоит в проблематичности перехода от мыслимого к возможному. Представляется, что мыслимость сочетания каких-либо событий не влечет возможности их сочетания, поскольку всегда найдется некий ограничитель, запрещающий подобное. Так, например, вопрос о том, может ли Бог создать камень, который потом не сможет поднять (мыслимая ситуация!), был разрешен Фомой Аквинским со ссылкой на то, что Бог, будучи разумным, не создает алогичных ситуаций, ибо это противоречит его природе.

Мыслимость есть свидетельство спонтанности сознания, а возможность – свидетельство незавершенности и динамичности нашего

мира. Статус мысленного эксперимента как аргумента в подобного рода дискуссиях допустим лишь тогда, когда мы – в духе Спинозы – отождествляем спонтанность сознания и незавершенность мира, бытия. Но тогда мы должны принять и иные тезисы спинозизма, в т.ч. и касательно сознания. Этого мы почему-то делать не хотим.

Общий мой вывод таков: проблема поиска мысленного эксперимента, адекватного по своей форме (логике) природе объясняемого предмета все еще не решена удовлетворительным образом.